

Гербовник А.Т. Князева в контексте отечественной геральдики

Отечественная геральдика по сравнению с другими европейскими странами прошла не самый длительный, но очень непростой и оттого особенно интересный путь развития. Самое удивительное в русских гербах, наверно, сам факт их возникновения в условиях, когда, казалось бы, для этого не существовало никаких веских причин, и для них не было места в системе уже устоявшейся символики. Тем не менее, русская геральдическая традиция не только сформировалась как область практической деятельности и объект изучения, но и воплотилась в уникальных гербовниках, которые дают представление об эмблематическом пространстве национальной культуры, прежде всего – о дворянском ее субстрате.

Генезис родовой геральдики в России пришелся на последнюю четверть XVII в. и находился под сильным влиянием западного опыта. Первоначально в стране бытовали либо гербы иностранцев, состоявших на службе, либо случайные, иногда узурпированные изображения, демонстрировавшие генеалогические претензии владельцев. Активизировался герботворческий процесс только в начале XVIII в., когда служилое сословие Древней Руси стремительно эволюционировало в дворянство Российской империи. Петровские преобразования коренным образом изменили состав и структуру высшего слоя, его права, обязанности, привилегии, образ жизни и менталитет. В контексте фундаментальных социокультурных изменений родовые гербы оказались чрезвычайно востребованы. С одной стороны, они приближали русское дворянство к западному, визуально демонстрировали их культурное единство, с другой – четко отделяли благородное сословие от иных социальных групп. Попытки представителей других слоев усвоить гербы¹ пресекла в 1722 г. «Табель о рангах», которая закрепила исключительное право дворян на визуальное отображение социального статуса.

¹ См.: Тимошина Л.А. Гербовые печати гостей Панкратьевых в конце XVII в. // Памятники культуры: Новые открытия: Письменность. Искусство. Археология: ежегодник, 1999 г. – М., 2000. – С. 416–425.

В XVIII в. частные гербы в России возникали двумя способами.

Один из них был официальным: гербы создавала Герольдмейстерская контора при пожаловании титулов или дворянства, а также при их подтверждении. Изображения, описания и истолкования эмблем закреплялись в подписанных монархами дипломах (жалованных грамотах). Известно 427 подобных документов, выданных до декабря 1785 г., т. е. до момента поднесения Екатерине II рукописи А.Т. Князева². Значительную их часть (более 200) составляли лейб-компанские гербы, принадлежавшие офицерам и солдатам гренадерской роты Преображенского полка, которые участвовали в дворцовом перевороте 1741 г.

Другой способ создания родовых символов был неофициальным. Быстро распространившаяся мода на геральдику привела к тому, что дворяне придумывали себе гербы самостоятельно и, нигде не регистрируя, пользовались ими в быту, чаще всего на матрицах печатей. Если Герольдмейстерская контора, с большим или меньшим успехом, составляла эмблемы на основании европейских правил, то при стихийном герботворчестве дворяне не ограничивались ничем, кроме собственных представлений о том, как должны выглядеть их символы. Определить количество самобытных родовых гербов XVIII в. невозможно. Известный геральдист В.К. Лукомский, который целенаправленно собирал подобные изображения, в начале XX в. смог выявить их более 2 тысяч, в то время как официальных гербов насчитывалось около 5 тысяч. Из этих цифр следует, что самобытные эмблемы были широко распространены и, судя по Гербовнику А.Т. Князева, в XVIII в. количественно могли быть сопоставимы с официальными дворянскими символами.

Развитие любого геральдического пространства рано или поздно приводит к систематизации накопленного материала, выражаемой в составлении гербовников. Они представляют собой специфическую форму осмысления знаний, широко распространенный способ фиксации гербов и являются ценными источниками, содержащими многообразную информацию о практическом и исследовательском опыте геральдики.

В России первая попытка сформировать собрание дворянских гербов была предпринята в 1769 г., когда художник А. Греков подго-

² Хоруженко О.И. Дворянские дипломы XVIII века в России. – М., 1999. – С. 173–384.

товил для Павла Петровича (будущего императора Павла I) небольшой гербовник. В него входили символы лиц, составлявших двор наследника престола³. На момент обнаружения в рукописи насчитывалось 13 рисунков, но, видимо, первоначально их было несколько больше. Несмотря на приоритет, ни по источниковедческому, ни по информационному значению этот памятник не может сравниться с Гербовником А.Т. Князева. Труд А. Грекова являлся не более чем придворной забавой, вызванной интересом Павла к рыцарским традициям и средневековой культуре.

Хотя вопреки распространенному в историографии⁴ мнению рукопись А.Т. Князева 1785 года не была первым дворянским гербовником России в хронологическом отношении, по масштабам выполненной работы, по влиянию на геральдическое познание пальма первенства, безусловно, принадлежит этому источнику. Гербовник А.Т. Князева ознаменовал начало новой эпохи, когда собирание эмблем обрело смысл. С 1785 г. до конца XVIII в. появились еще два дворянских гербовника.

Возможно, что именно пример А.Т. Князева подвигнул в начале 1790-х гг. герольдмейстера Л.И. Талызина на аналогичный труд⁵. Его гербовник оказался единственным в отечественной историографии случаем комплексного справочника, содержавшего и родовые, и территориальные символы, первых в нем насчитывалось 447⁶. Между собраниями А.Т. Князева и Л.И. Талызина много общего. В XVIII в. при систематизации геральдического пространства было невозможно игнорировать самобытные эмблемы, поэтому оба они содержали как официальные, так и неутвержденные гербы. Визуальная форма бытования герба (рисунок) имела приоритет над вербальной (описанием), поэтому в трудах А.Т. Князева и Л.И. Талызина изображения преобладали над текстом. Обе эти особенности обуславливались отсутствием в России официального гербовника, без которого и граница между утвержденными и самобытными гер-

³ *Навроцкий Ю.А.* О первом русском гербовнике // Новик. – 1939. – № 1. – С. 38–41. переизд.: Гербовед. – 1998. – № 30. – С. 128–132.

⁴ *Савелов Л.М.* Лекции по русской генеалогии. – Ч. 2. – М., [1908]. – С. 252; *Лукомский В.К.* О геральдическом искусстве в России. – СПб., 1911. – С. 20 и др.

⁵ В настоящее время находится в Российской национальной библиотеке, в Эрмитажном собрании (Д. 112).

⁶ *Кипнис Б.Г., Сапожников А.И.* «Гербовник» Лукьяна Ивановича Талызина // Гербовед. – 1996. – № 12. – С. 90.

бами оказывалась нечеткой, и описание воспринималось как нечто второстепенное.

Однако в рукописи Л.И. Талызина по сравнению с трудом А.Т. Князева появилось новшество – стремление к научному осмыслению материала. В Гербовнике А.Т. Князева к подобным тенденциям можно, с некоторой долей условности, отнести экскурсы в правовые реалии русской геральдики, скудные комментарии к рисункам и лапидарный исторический фрагмент в посвящении Екатерине II. Л.И. Талызин написал особый раздел, содержащий изложение авторского понимания теоретических и исторических аспектов геральдики. По сути, он предпринял первую в отечественной историографии попытку дать концепцию гербового знания⁷. Автор придерживался национально ориентированной позиции, критиковал европейскую терминологию, подчеркивал неприемлемость западных моделей для России, что, по его мнению, предопределялось коренными отличиями европейского рыцарства и русского дворянства. Он предложил собственную точку зрения на историю становления отечественной геральдики, подчеркивал ее древность и указывал на доминирующую роль государства в герботворчестве, причем в отличие от последующих поколений специалистов он воспринимал такое влияние исключительно позитивно. Гербовник Л.И. Талызина стал переходным памятником геральдической мысли, интегрировавшим справочник с элементами исследования⁸.

Ни один из трех упомянутых гербовников XVIII в. не был принят властью, все они остались невостребованными, забытыми и долгое время не использовались в исследовательском процессе. Собрание А.Т. Князева стало сенсацией конца XIX в., рукопись А. Грекова обнаружили в Европе в 1930-е гг., а о труде Л.И. Талызина долгое время имелись лишь самые смутные сведения, даже выдающийся геральдист В.К. Лукомский называл его «преданием»⁹ и источник вошел в научный оборот только в конце XX в.

Потребность в государственной кодификации родовой символики отсутствовала у властей почти на всем протяжении XVIII в.

⁷ Там же. – С. 87–88.

⁸ См.: *Наумов О.Н.* Отечественная историография геральдики. – Ч. I. – М., 2003. – С. 38–39, 62.

⁹ *Лукомский В.К., Типольт Н.А. бар.* Русская геральдика. – Пг., 1915. – С. 9; переизд.: М., 1996. – С. 13.

Переломным моментом в истории отечественной геральдики стал «Общий гербовник дворянских родов Всероссийской империи». Он задумывался как полное собрание дворянских гербов, санкционированных верховной властью. Работы над ним начались вследствие указа Павла I от 20 января 1797 г.¹⁰ и продолжались до 1917 г. «Общий гербовник» завершил эпоху рукописных справочников, поскольку его публикация предполагалась изначально¹¹. Она, разумеется, не преследовала и не могла преследовать каких-либо научных целей, а определялась отношением к тексту как к юридическому акту, утвержденному императором, что требовало обнародования в качестве правового документа.

Идея учредить официальный дворянский гербовник явилась результатом развития геральдики в XVIII в., итогом формирования геральдического пространства и действий по его научному осмыслению. Гербовник А.Т. Князева обозначил движение в этом направлении, был частным отражением общих процессов, закономерным этапом в обобщении опыта родового герботворчества и готовил социокультурную среду для государственной кодификации частных гербов.

Уникальность этого памятника во многом связана с незаурядной личностью составителя. Биография А.Т. Князева в общих чертах изложена С.Н. Тройницким, но из нее не вполне понятно, почему межевой чиновник принялся за обстоятельный геральдический труд.

А.Т. Князев был известной фигурой своего времени¹², и служебной карьерой далеко не исчерпывался круг его интересов. Автор гербовника принимал участие в интеллектуальной жизни, вёл знакомство с А.Т. Болотовым, Г.Р. Державиным, Н.И. Новиковым, И.Г. Рахманиновым и другими известными деятелями Века Про-

¹⁰ ПСЗ. – Собр. 1-е. – Т. 24. – [СПб.], 1830. – С. 298–299.

¹¹ Подробнее о нем см.: *Наумов О.Н.* Указ. соч. – С. 40–46, 63–66.

¹² О нем см.: [*Иконников В.С.*] Князев Анисим Титович // *Энциклопедический словарь / изд. Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон.* – Т. 29. – СПб., 1895. – С. 471–472; репринт. переизд.: *Энциклопедический словарь.* – Т. 29. – М., 1991. – С. 471–472; *Н.Ч. Князев Анисим Титович // Русский биографический словарь.* – Т.: Кнаппе-Кюхельбекер. – СПб., 1903. – С. 17–19; переизд.: М., 1995. – С. 17–19; [*Вознесенский С.*] Князев Анисим Титович // *Новый энциклопедический словарь / изд. Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон.* – Т. 22. – Пг., [1915]. – Стлб. 8–9; переизд.: *Энциклопедический словарь: биографии.* – Т. 6. – М., 1997. – С. 51 и др.

свещения. А.Т. Болотов писал, что А.Т. Князев «очень внимателен к просвещенным людям», «большой любитель книг и ученых», «зна-ток архивного дела»¹³.

О происхождении составителя гербовника бытовали различные версии. Сам он в «сказке» 1753 г., поданной в Вотчинную коллегию, утверждал, что предки его в первой половине XVII в. служили городовыми дворянами по Костроме¹⁴. Однако, по мнению современных исследователей, на самом деле они были пушкарями, а отец геральдиста занимал должность подканцеляриста в Каширской ратуше и состоял в купеческом звании¹⁵. А.Т. Князев сделал удачную карьеру, дослужился до чина статского советника, чему очень способствовали его связи с влиятельным государственным деятелем, генерал-прокурором Сената князем А.А. Вяземским. Благодаря такому покровительству он получил от Екатерины II ряд ответственных поручений; в 1775 г., например, разбирал бумаги покойного статс-секретаря императрицы Г.В. Козицкого¹⁶.

По службе в межевом ведомстве А.Т. Князев проявил себя личностью неоднозначной. Он много сделал для улучшения дела: составил «Инструкцию землемерам» (1776 г.), разобрал запущенный архив Межевой канцелярии, улучшил ее чертежную часть, настойчиво доказывал необходимость научной подготовки межевых техников, заменил громоздкие уездные планы более удобными меньшего масштаба. А.Т. Князев возбудил вопрос об упорядочении передачи в частную собственность так называемых казенных пустошных земель, вследствие чего продажа их в 1778 г. была прекращена, старался навести порядок при распределении между владельцами «поверстных лесов», так как отсутствовали достоверные данные о величине «древней версты», которой они измерялись. Ему же приписывается мысль об устройстве при Межевой канцелярии землемерной школы, впоследствии преобразованной в Константиновский межевой институт. Одновременно автор гербовника был известен взяточничеством, а в 1779 г. его отстранили от должности,

¹³ Болотов А.Т. Записки. – Т. 3. – СПб., 1873. – С. 673–689.

¹⁴ Барсуков Н.П. А.Т. Князев. Трудолюбец прошлого века // Русский архив. – 1885. – № 8. – С. 462.

¹⁵ Каменский А.Б. Князев Анисим Титович // Отечественная история: энциклопедия. – Т. 2. – М., 1996. – С. 601–602.

¹⁶ Барсуков Н.П. Указ. соч. – С. 463.

обвинив в крупных злоупотреблениях. По словам А.Т. Болотова, А.Т. Князев пользовался репутацией «особы весьма важной и хитрой и ворочал всей канцелярией», а Г.Р. Державин писал о том, что якобы он настраивал против князя А.А. Вяземского графа П.И. Панина¹⁷.

Способности А.Т. Князева проявлялись не только в служебной деятельности и интригах, нашлось им применение и в научной сфере, хотя побудительным мотивом его изысканий, по всей видимости, стали карьерные соображения, поскольку начались они по личному распоряжению Екатерины II. Историческими трудами чиновник занялся не позднее 1772 г., когда снял копию с разрядной книги. В 1775 г. он руководил составлением в Разрядно-Сенатском архиве «Реестра о бывших в Москве приказах».

А.Т. Князев одним из первых в России целенаправленно изучал родословные источники и его следует причислить к основоположникам научной генеалогии. В феврале 1776 г. ему было поручено выявить в Разрядно-Сенатском архиве документы о дворянских службах и сословном законодательстве¹⁸. В результате появился рукописный сборник материалов, известный под названием «Выбор из законов о дворянстве». В числе прочего в него вошли генеалогические источники: предисловие к Бархатной книге 1688 г. и копии 17 поколенных росписей¹⁹, представленных в Палату родословных дел в конце XVII века. Эти материалы заинтересовали Екатерину II, и, по ее запросу, А.Т. Князев продолжил розыск аналогичных рукописей, составив в апреле 1776 г. записку о количестве росписей конца XVII в.²⁰ и список 754 княжеских и дворянских семей, подавших документы в Палату родословных дел, в котором содержались сведения об их происхождении, образовании фамилий и поколенных росписях²¹. Кроме того, перечень сопровождался небольшими примечаниями²² с характеристикой просмотренных источников.

¹⁷ Державин Г.Р. Сочинения. – Т. 6. – СПб., 1876. – С. 581–582.

¹⁸ Барсуков Н.П. Указ. соч. – С. 461.

¹⁹ Список см.: Там же. – С. 472.

²⁰ Ее текст см.: Антонов А.В. Родословные росписи конца XVII в. – М., 1996. – С. 16.

²¹ Подробнее см.: Барсуков Н.П. Указ. соч. – С. 470–472; Антонов А.В. Указ. соч. – С. 16–18.

²² Публикацию см.: Каменский А.Б. Новые данные о судьбе родословных росписей конца XVII в. // Генеалогические исследования. – М., 1993. – С. 177–179.

Алфавитный перечень родов напечатал без указания авторства и в сокращенном виде Н.И. Новиков в качестве приложения к Бархатной книге²³.

А.Т. Князев являлся вполне квалифицированным для XVIII в. историком. Он много работал в архивах, непосредственно соприкасался с документами, следил за новой литературой²⁴, был компетентен в истории и генеалогии дворянства. Его рукописи отразили целенаправленный интерес к источникам, что придавало изысканиям научный, доказательный характер. Деятельность А.Т. Князева была направлена, прежде всего, на систематизацию генеалогических сведений. Глубокое понимание проблемы способствовало тому, что при составлении «Жалованной грамоты дворянству» 1785 г. из нескольких вариантов текста Екатерина II выбрала проект А.Т. Князева.

Идея о составлении собрания гербов возникла у исследователя в связи с работами по генеалогии и истории дворянства. Стимулом для нее стали обнаруженные им в архивах рисунки (прежде всего, поданные в Палату родословных дел), на что автор прямо указал в обращении к императрице, предварявшем гербовник. Рукопись вобрала опыт изучения архивных материалов, а ее состав отразил круг общения и служебных связей А.Т. Князева. В собрание вошли печати его покровителя князя А.А. Вяземского, нескольких знакомых и их родственников (Г.Р. Державина, А.И. Новикова, графа П.И. Панина, Г.И. Рахманинова), Г.В. Козицкого, бумаги которого он разбирал, а также уже упомянутые изображения конца XVII в.

Приведение в «известность» гербов воспринималось А.Т. Князевым как важная часть работ по истории дворянства и сословному законодательству. Далеко не случайно, что в рукописи приводилась статья 16 «Табели о рангах», которая регулировала употребление гербов, а точнее запрещала их самовольное составление и использование. Помещение ее после изображений, подавляющая часть

²³ Родословная книга князей и дворян российских и выезжих. – Ч. 2. – М., 1787. – С. 281–409.

²⁴ О читательских интересах А.Т. Князева см.: Самарин А.Ю. Читатель в России во второй половине XVIII века (по спискам подписчиков). – М., 2000. – С. 245. Среди выписанных им книг был труд Г.Ф. Миллера «Известие о дворянах российских» (СПб., 1790) и «Древняя российская вивлиофика» (СПб., 1773–1775), в которой публиковались генеалогические работы и родословные источники.

которых была не утверждена властью, кажется, как минимум, нелогичным. Объяснить противоречие можно, если предположить, что, поднося рукопись императрице, А.Т. Князев рассчитывал каким-то образом привлечь ее внимание к правовой ситуации в сфере геральдики, подвинув либо к усовершенствованию прежних юридических норм, либо к официальному признанию собранных рисунков. Надо заметить, что как раз в середине 1780-х гг. происходило массовое утверждение городских гербов, причем делалось это именно списком для всего наместничества, а не для отдельного населенного пункта.

Связь между составлением гербовника и совершенствованием дворянского законодательства, уточнением правового положения сословия и определением процедуры его официального признания подтверждается близостью дат утверждения «Жалованной грамоты дворянству» (в апреле 1785 г.) и поднесения рукописи Екатерине II (декабрь того же года). Гербовник явился логическим продолжением этого правового акта. В грамоте, как и в труде А.Т. Князева, имелась прямая ссылка на статью 16 «Табели о рангах», а «жалованные от государей» гербы причислялись к «неопровергаемым доказательствам благородства»²⁵, что существенно повышало их социально-правовой статус. На титульном листе гербовника был нарисован свиток, изображавший «Жалованную грамоту дворянству».

Таким образом, создание гербовника предопределили два фактора: с одной стороны, социальные процессы, происходившие в самом сословии, его окончательная консолидация, с другой – эволюция геральдики, требовавших упорядочения информационного пространства и уточнения юридического положения гербов.

Забвение труда А.Т. Князева нанесло отечественной науке большой ущерб, лишив ее на длительное время важнейшего источника. Памятник попал в исследовательский оборот только в конце XIX в., в период активного развития геральдического знания. Впервые о нем упомянул А.И. Артемьев в описании библиотеки Казанского университета, опубликованном в 1882 г.²⁶. Отметив выдающееся значение рукописи и назвав ее «замечательнейшей», он фактически начал изучение источника. А.И. Артемьев сравнил изображе-

²⁵ ПСЗ. – Собр. 1-е. – Т. 22. – [СПб.], 1830. – С. 354.

²⁶ *Артемьев А.И.* Описание рукописей, хранящихся в библиотеке Императорского Казанского университета. – СПб., 1882. – С. 14–19.

ния из него с рисунками «Общего гербовника дворянских родов» и пришел к выводу о «большой разнице» между ними, «как в размещении геральдических знаков, так и в цвете полей щитов»²⁷. Однако исследователь не смог оценить гербовник по достоинству, подчеркнув его внешнюю, художественную сторону, а анализ содержания ограничив примечаниями, о которых заметил, что их мало и нет интересных. Исключение он сделал только для пояснений о Потемкинских, воспроизведя их в своем описании.

Рукопись сразу обратила на себя большое внимание специалистов. Известный историк Н.П. Барсуков в выступлении о А.Т. Князеве на заседании Императорского Общества любителей древней письменности 19 апреля 1885 г. дал гербовнику подробную характеристику²⁸. На собрании Русского генеалогического общества 27 марта 1899 г. князь М.С. Путятин сделал специальный доклад о геральдической рукописи А.Т. Князева. Проанализировав и признав «уникумом», автор предложил снять с нее копию для библиотеки организации²⁹. В декабре того же года общество просило правление Казанского университета о доставлении в Санкт-Петербург Гербовника А.Т. Князева для копирования³⁰.

Одновременно началось использование памятника при изучении конкретных гербов. В 1892 г. сведения А.Т. Князева привлекались для восстановления иконографических модификаций герба князей Голицыных³¹.

В начале XX в. произошла интеграция гербовника в общие представления об истории геральдического знания в России. Профессор Московского археологического института Ю.В. Арсеньев уже традиционно отметил «важное значение» источника для исследования «нашей геральдики»³², но не вполне точно ограничил его информационные возможности Петровским временем (на самом деле, хронологические рамки использования гораздо шире – с конца XVII в. до 1780-х гг.).

²⁷ Там же. – С. 18.

²⁸ Барсуков Н.П. Указ. соч. – С. 461–474.

²⁹ Известия Русского генеалогического общества. – Вып. 2. – СПб., 1903. – Отд. 3. – С. 11.

³⁰ Там же. – С. 33.

³¹ Голицын Н.Н. кн. Род князей Голицыных. – Т. 1. – СПб., 1892. – С. 479.

³² Арсеньев Ю.В. Геральдика. – М., 1908. – С. 293; переизд.: Ковров, 1997. – С. 323.

Основатель научной генеалогии Л.М. Савелов, негативно оценивавший познавательный потенциал русских гербов в целом и «Общего гербовника дворянских родов» в частности, дал восторженную характеристику труду А.Т. Князева, назвав его вслед за А.И. Артемьевым и Н.П. Барсуковым «одной из замечательнейших рукописей Казанского университета» и квалифицировал как первый в России дворянский гербовник³³. Поскольку Л.М. Савелов отрицательно относился к официальному герботворчеству и считал составленные в Герольдии гербы не несущими достаточного смысла, ученый противопоставил им собрание А.Т. Князева как отражение реального геральдического опыта дворянства, «а не досужих фантазий наших чиновников из Департамента Герольдии». Эту мысль Л.М. Савелов впоследствии развил в рецензии, где подчеркнул, что издание рукописи должно было бы стать «делом того учреждения, которое ведает наши генеалогические и геральдические вопросы», а оказалось частной инициативой³⁴.

В.К. Лукомский признавал гербовник «выдающимся явлением в истории русской самобытной геральдики», «одним из ценнейших источников»³⁵, подчеркивал его широкие возможности для изучения процесса формирования дворянской символики. Однако то, что Л.М. Савелов считал достоинством, В.К. Лукомский воспринимал как недостаток. Будучи чиновником Департамента Герольдии, он не мог оценить деятельность ведомства негативно. Опираясь на труд А.Т. Князева, В.К. Лукомский доказывал тезис о примитивности «в смысле теоретическом» самобытной дворянской геральдики России³⁶, т. е. о ее несоответствии формальным правилам Европы. Такая позиция фактически отказывала отечественному опыту в праве на своеобразие, требуя полного, слепого подражания западной модели. Кроме того, упрек был несостоятелен методологически, ведь любое явление на стадии формирования нельзя оценивать, ис-

³³ Савелов Л.М. Указ. соч. – С. 252–253. В эмиграции, зная о существовании Гербовника А. Грекова, Л.М. Савелов уже не называл так труд А.Т. Князева, но продолжал по-прежнему его высоко оценивать, особо подчеркивая наличие неутвержденных гербов (Савелов Л.М. Генеалогия // Новик. – 1939. – № 2. – С. 5).

³⁴ Савелов Л.М. [Рецензия] // Летопись Историко-родословного общества в Москве. – 1914. – Вып. 1/2. – С. 62.

³⁵ Лукомский В.К. [Рецензия] // Старые годы. – 1912. – № 5. – С. 44.

³⁶ Лукомский В.К. О геральдическом искусстве в России. – С. 21.

пользуя критерии, свойственные зрелой системе. Подобный подход противоречит принципу историзма, который обязывает рассматривать процессы в прямой хронологической последовательности. В дальнейшем В.К. Лукомский смягчил позицию, во всяком случае, в статье 1915 г., дословно повторявшей многие положения работы 1911 г., негативные высказывания отсутствовали³⁷.

В начале XX в. окончательно сформировалось отношение к Гербовнику А.Т. Князева как к одному из основных источников для изучения родовой геральдики России. На протяжении последующих десятилетий он неизменно упоминался в справочных изданиях и учебных пособиях³⁸ с довольно однообразной характеристикой, заимствованной из предисловия С.Н. Тройницкого к публикации 1912 года. Целенаправленного анализа памятника не предпринималось, поскольку познавательный потенциал геральдики в советский период недооценивался, а изучение гербового материала ограничивалось по идеологическим причинам. Единственным специальным исследованием оказалась интересная статья М.А. Добровольской об использовании труда А.Т. Князева для атрибуции гербовых печатей³⁹. В последние годы источник неоднократно рассматривался в контексте истории гербоведения или в сравнении с другими гербовниками России⁴⁰, благодаря чему к настоящему времени определены его место в развитии отечественной геральдики и

³⁷ Лукомский В.К., *Типольт Н.А. бар.* Указ. соч. – С. 20; переизд.: М., 1996. – С. 12–13.

³⁸ Лукомский В.К. Гербоведение и герб // Новый энциклопедический словарь / изд. Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. – Т. 13. – СПб., [1913]. – Стлб. 161; Устюгов Н.В. Учебное пособие по вспомогательным историческим дисциплинам. – Ч. 4. – М., 1940. – С. 4; Каменцева Е.И., Устюгов Н.В. Русская сфрагистика и геральдика: учеб. пособие. – 2-е изд., доп. – М., 1974. – С. 27–28; Штакельберг Ю.И. Геральдика // Отечественная история: энциклопедия. – Т. 1. – М., 1994. – С. 537–541 и др.

³⁹ Добровольская М.А. «Гербовник» А.Т. Князева и несколько печатей из собрания Эрмитажа // Геральдика. – Л., 1987. – С. 101–106.

⁴⁰ Наумов О.Н. Геральдическая историография России (XVIII – первая половина XX в.). – М., 2001. – С. 12–13, 41; *Он же.* Отечественная историография геральдики. – Ч. I. – С. 38–40, 154, 155, 158–159; *Он же.* Актуальные проблемы изучения отечественных гербовников // Сообщения Ростовского музея. – Вып. 13. – Ростов, 2003. – С. 288, 289, 293, 297 (статья публикуется в настоящем сборнике); *Он же.* Печатные гербовники как источник по истории отечественной геральдики // Книжная культура России: история и современность. – Вып. 1. – М., 2003. – С. 107–110, 113, 118.

источниковедческая специфика. Однако эти исследования не могут компенсировать потребности во всестороннем изучении текста, его обстоятельном и комплексном анализе.

Любой гербовник представляет собой либо открытую, либо закрытую информационную систему. Открытыми следует признать такие собрания, которые изначально предполагают регулярные дополнения, не нарушающие установленной структуры. Информационная открытость связана с проблемой авторства. Авторские гербовники не могут быть дополнены принципиально. В Гербовник А.Т. Князева невозможно добавить новые гербы с печатей XVIII в., даже если они известны. Переиздание с интерполяциями приведет к утрате целостности источника и утвердившегося в историографии названия. Рукопись является порождением русской геральдической мысли XVIII в., она показывает состояние геральдики определенной эпохи и именно в этом ее исключительная ценность.

Гербовники как вид исторического источника имеют специфичную датировку. Как правило, они обладают двумя системами отсчета времени: момент составления самого памятника и период создания включенных в него гербов. Труд А.Т. Князева в хронологическом отношении уникален. Собранные в нем изображения привязаны к определенным носителям (печатям), поэтому памятник имеет не две, а три системы: дата рукописи, период отраженного геральдического пространства и время сфрагистического материала. Текст создавался в интервале не ранее середины 1770-х гг., когда А.Т. Князев получил доступ к поколенным росписям конца XVII в. и к бумагам Г.В. Козицкого, и не позже дня поднесения рукописи императрице, т. е. декабря 1785 г. Работа продолжалась до последнего момента, о чем свидетельствует факт внесения в уже готовый манускрипт гербов Г.Р. Державина и И.И. Шувалова, не имевших порядковых номеров.

Памятник отразил развитие родовой геральдики на протяжении целого столетия, с 1680-х гг. до 1780-х гг. В него вошли также иностранные гербы, сложившееся ранее XVII в., но в данном случае важно не время их составления и утверждения, а момент вхождения в русское геральдическое пространство.

Печати, собранные А.Т. Князевым, можно датировать по годам жизни владельцев и получения ими орденов, а также на основании фиксации в жалованных грамотах и, иногда, по вступлению в су-

пружеские союзы (для брачных гербов). Эта хронологическая система охватывает преимущественно 1750-е – 1770-е гг.

Как и другие гербовники, источниковедчески труд А.Т. Князева имеет двоякое значение, обусловленное сложным сочетанием общего и частного начал. Любой гербовник является целостным источником, порожденным определенным этапом развития дисциплинарного знания и культуры. С другой стороны, каждый из содержащихся в тексте объектов есть самостоятельный и полноценный источник, к которому в полном объеме применимы методы соответствующего анализа. Рукопись А.Т. Князева как целостный текст представляет собой источник по истории русской геральдики конца XVII–XVIII в., незаменимый для изучения генезиса, иконографической эволюции, семантики и особенностей бытования конкретных гербов.

Не будучи ограничен никакими границами, кроме собственных представлений о геральдике и доступностью материала, А.Т. Князев создал собрание, может быть, и неполное, но, несомненно, репрезентативно отразившее живую геральдическую традицию. Его достоверность подтверждается письменными источниками из фондов губернских дворянских собраний, созданных в 1785 г. Среди доказательств сословной принадлежности, которые предоставляли дворяне между этим годом и началом составления «Общего гербовника дворянских родов Всероссийской империи», находились рисунки самобытных гербов. Сравнение печатей из труда А.Т. Князева с выявленными в материалах Московского дворянского собрания изображениями 1780-х – 1790-х гг.⁴¹ показывает высокую степень их идентичности.

Если опираться на правовой критерий, то гербовник содержит три группы символов: во-первых, официальные, заимствованные из дипломов; во-вторых, варианты, которые в измененном варианте были утверждены в конце XVIII–XIX в. и внесены в «Общий гербовник дворянских родов Всероссийской империи»; в-третьих, не признанные властью. Из них наибольшую ценность представляют изображения из второй и третьей групп. Начальные варианты позволяют воссоздать эволюцию эмблем, восстановить геральдическую историю отдельных родов или их групп, связанных единством

⁴¹ См. статью «Геральдика дворянства Московской губернии: новые источники» в настоящем сборнике.

происхождения, понять логику иконографических модификаций, идентифицировать искаженные фигуры, а в некоторых случаях – раскрыть их семантику. По нашим подсчетам, в труде А.Т. Князева содержится 106 изображений (19,9 % от общего числа), которые полностью не совпадают с утвержденными впоследствии гербами. Не меньший интерес для науки имеют 71 герб (13,3 % от общего числа)⁴², не признанный русским правительством.

Изображения второй и третьей групп отражали самобытное геральдическое творчество дворян, и именно они определяют познавательную и практическую ценность труда А.Т. Князева. Такие рисунки составляют уникальный резерв для гербовой экспертизы – процесса атрибуции неизвестных гербов на вещественных носителях с целью получения о последних дополнительной информации. В 1912 г., когда памятник был издан, данная методика в России находилась в стадии формирования, ее научные основы только разрабатывались, поэтому этот аспект использования осознавался не вполне четко. Значение рукописи для атрибуционной работы определяется тем, что на предметах XVIII в. встречаются варианты, отличные от впоследствии утвержденных. В такой ситуации Гербовник А.Т. Князева оказывается единственным массовым источником, который содержит первоначальные изображения, и, следовательно, дает уникальную возможность для успешной экспертизы. Атрибуционный потенциал справочника неоднократно подтверждался на практике. Е.С. Щукина с его помощью идентифицировала жетон Шуваловых, а М.А. Добровольская – матрицы печатей Исленьевых,

⁴² Гербы Альбедиль, Апухтиных, Басиных, Бауэр, Бойе, князей Болховских, Брянчаниновых, Будановых, фон Вейсфельд, Вердеревских, Виниус, Витовтовых, Вишневских, нетитулованной ветви Воронцовых, Гак, Гауптфогель, Голофеевых, Гринковых, князей Давыдовых, баронов Дельвиг, Ергольских, Завалишинных, Загоскиных, Зворыкиных, Золотухиных, Казимирских, Калашниковых, Карбышевых, Кашталинских, Клементьевых, Козлятевых, Колдышевских, Корноуховых, Корчевских, Курочкиных, Лихониных, Малышкиных, Межаниновых, Милославских, Мневских, Нейман, Нелединских, Овцыных, Оголиных, Отрошкевич, Панафидиных, Пестель, Посевьевых, нетитулованной ветви Разумовских, Рахинских, фон Риддер, Розвариновых, Рознатовских, Сибилевых, Сулима, Торгель, Трегубовых, Трущениковых, фон Ульрих, Фроловых-Багреевых, Хириных, Хлоповых, Хопылевых, Цыплетевых, Чуровских, Шапиз, Шванвич, нетитулованной ветви Шуваловых, Эверлаковых, Эк, Якоби. Примечательно, что Назимовы, обозначенные С.Н. Тройницким как не имеющие герба, утвердили его в 1917 г.

Печать

Петра Григорьевича Языкова
из Гербовника А.Т. Князева 1785 г.

Писаревых и Шереметевых из собрания Государственного Эрмитажа⁴³.

Вероятность положительного результата экспертиз увеличивается благодаря тому, что труд А.Т. Князева вобрал гербовый опыт различных слоев дворянства. В нем представлены древние титулованные и нетитулованные роды, знать, выдвинувшаяся в результате Петровских реформ, приехавшие на службу в Россию иностранцы, семьи, выслужившие дворян-

ский статус или пожалованные им по воле монарха. Среди древнего дворянства есть Рюриковичи и Гедиминовичи, потомки московской боярской аристократии и малоизвестные провинциальные роды. Почти 12 % из 379 учтенных родов имели титулы: 25 – княжеский, 17 – графский, 3 – баронский; остальные 332 семьи относились к нетитулованному дворянству.

В рукописи А.Т. Князева была представлена такая специфичная для русской геральдики группа, как лейб-компанские гербы. К ней относятся восемь печатей: И.П. Богомолова, графа М.И. Воронцова, И.Т. Ельчанинова, И. Блохина (ошибочно приписанная А.Л. Ларионову), Г.И. Рахманинова, Г.Ф. Черносвитова, А.Д. Шуринова, П.Г. Языкова. Почти все, кто использовал лейб-компанские эмблемы, принадлежали к древним служилым родам и не получали дворянство за участие в дворцовом перевороте 1741 г. Исключением оказался только И.П. Богомолов, происходивший из крестьян.

Судя по генеалогическому составу гербовника, геральдическая культура в XVIII в. получила преимущественное распространение среди древних и аристократических семей и лишь впоследствии потребность в символической визуализации стала активно проявляться у жалованного и выслуженного дворянства.

⁴³ Шукина Е.С. Неизданный жетон И.И. Шувалова // Сообщения Государственного Эрмитажа. – Вып. 40. – Л., 1975. – С. 75–76; Добровольская М.А. Указ. соч. – С. 101–106.

По принадлежности А.Т. Князев выделял индивидуальные, семейные и родовые гербы, хотя различие между ними не было явственным и определялось, видимо, конкретной ситуацией при выявлении печати. В теоретическом отношении нечеткая дифференциация отражала противоречивые представления составителя о статусе личных и родовых эмблем. В гербовнике преобладали изображения, приписанные конкретным лицам и вследствие чего фактически получившие статус личных гербов. В подписях к ним, как минимум, указывалась фамилия владельца, однако примерно в полутора десятках случаев имя и отчество отсутствовали, что создает существенные трудности при соотнесении герба с конкретным лицом; семнадцать раз фиксировались имя и фамилия владельца, но без отчества, и три раза – должность или чин с фамилией. Всего в гербовнике более 10 % печатей с неполным указанием принадлежности или без нее.

К семейным гербам относились изображения, приписанные не одному человеку, а двоим, причем степень родства между ними отмечалась не всегда. Печатей, в которых отсутствовала информация о родственных отношениях, насчитывалось шестнадцать (в половине случаев изображение принадлежало родным братьям). О единственном гербе сообщалось, что его владельцами являются братья (печать № 397), и по одному приписывалось отцу с сыном (печать № 331) или детьми (печать № 180). Если у А.Т. Князева имелись сомнения в идентификации, то он высказывал мнение о подлинной принадлежности печати в особых примечаниях.

Родовые гербы отличались от семейных оговоркой о связи не только с конкретным человеком, но и с его родом или «однородцами». Три раза А.Т. Князев указал, что рисунок является «общим для всей фамилии». Особенно он выделил изображения, поданные в Палату родословных дел, перечислив их отдельно даже в общем алфавитном списке. Для составителя упоминание в материалах конца XVII в. доказывало действительную древность герба и подтверждало его бытование в семье. А.Т. Князев различал также «однородцев» (родственников) и «первородцев» (предков).

Дифференциация печатей по принадлежности нарушала единство зафиксированного гербового пространства, придавало ему сложную структуру, вводило категории генеалогического знания.

В гендерном отношении Гербовник А.Т. Князева также не был однородным. Наряду с мужскими в нем зафиксировано двадцать пять (4,7 % от общего числа) печатей, которыми владели женщины. Однако реальное положение подобных изображений в геральдике XVIII в. демонстрирует форма обозначения их принадлежности. Только в десяти случаях подписи содержали указания на собственные имена и отчества владелиц, в остальных владелицы фигурировали как супруги каких-либо лиц.

Гендерная тематика нашла отражение также в брачных гербах, соединявших щиты мужа и жены. Их было немного, всего пять: графов Воронцовых, князей Голицыных (дважды), князей Лобановых-Ростовских, баронов Строгановых. Судя по составу фамилий, сфера употребления брачных гербов ограничивалась аристократией, а условием конкретного бытования подобных изображений являлась принадлежность обоих супругов к известным, знатным, как правило, титулованным семьям.

Использование брачных гербов, казалось бы, должно свидетельствовать о высоком уровне геральдических знаний в русском дворянстве XVIII в. Однако представления о формальных основах дисциплины не были одинаковы во всех слоях сословия. Многие дворяне не знали их совершенно, поэтому в гербовник попали изображения с самыми грубыми ошибками. Иногда рисунки нельзя даже классифицировать как гербы. В некоторых изображениях, на-

Печать
княгини Лобановой-Ростовской
из Гербовника А.Т. Князева 1785 г.

пример, при наличии всех элементов отсутствовали эмблемы в щите, что лишало гербы всякого смысла. Многочисленные нарушения европейской традиции указывают не столько на «дикость» русской геральдики определенного периода, сколько на активный поиск самобытности родовых эмблем и способов выражения информации, визуальные погрешности являлись неотъемлемой чертой генезиса геральдического пространства.

Труд А.Т. Князева позволяет объективно проанализировать эволюцию отечественной модели герба, для которой в XVIII в. было характерно, в частности, употребление мантий, корон и других элементов без должных оснований. Мантия используется в гербах родов княжеских или происходящих от них, но утративших титул семей. В Гербовнике А.Т. Князева она изображена в 105 печатях (19,7 % от общего числа); из них 38 раз – в княжеских гербах и ее следует признать обоснованной, 65 раз – в дворянских, по одному разу – в графском и баронском. Мантия могла использоваться легитимно нетитулованными семьями, происходящими от княжеских (Еропкины, Ржевские), или в печатях по недоразумению приписанных дворянским родам (Владыкины, Наумовы, Сомовы, Титовы). Печать супруги Ф.Б. Пассека (№ 334) содержала герб ее отца князя Шаховского. В остальных случаях, а их более половины, мантия была узурпирована.

Тем не менее, разграничение княжеских и дворянских гербов не вызывает серьезных затруднений, поскольку прослеживается следующая закономерность: княжеские семьи вместе с мантией использовали соответствующий их титулу тип короны, а дворяне либо соединяли ее с дворянской короной, либо отказывались от этого элемента полностью. В баронском гербе Дельвиг мантия также сочеталась с дворянской короной. Необъяснимых комбинаций мантии и княжеской короны в дворянских гербах немного, всего четыре (Загоскины, Крекшины, Тимирязевы, Хирины), а еще в двух случаях (Бутурлины, Потемкины) с большой долей вероятности можно предположить введение княжеской короны для демонстрации владельческого статуса родоначальников. Аналогичное значение имело, видимо, соединение мантии с княжеской короной в гербе иностранных графов Подгоричани.

Печать
жены Федора Богдановича Пассека
из Гербовника А.Т. Князева 1785 г.

Печать Даниила Чуровского
из Гербовника А.Т. Князева 1785 г.

Подобная практика свидетельствует о том, что корона доминировала в смысловом отношении перед мантией, воспринималась как основной ранжирующий признак и ассоциировалась с определенным социально-генеалогическим статусом. Мантия же часто трактовалась как общедворянский символ, отражающий древность рода или притязания на знатность. В контексте подобной ситуации выраженное в комментарии С.Н. Троицкого недоумение по поводу использования на печати Зубовых (№ 174) мантии до получения ими княжеского титула может быть легко объяснено общей традицией узурпации мантии в дворянских гербах.

Судя по гербовнику, в геральдике XVIII в. активно использовались надписи, которые классическими европейскими правилами разрешаются только в виде девиза на ленте. В рукописи А.Т. Князева кроме девизов имелись инициалы собственников, владельческие надписи и даты. Доминировали инициалы, девизов было меньше, а владельческих надписей, т. е. указаний на принадлежность объектов, насчитывалось всего 4 (печати № 172, 494, 498, 529). Из них особенно выделялся рисунок, принадлежавший Чуровским, в котором изображение прямо называлось гербом, в то время как в остальных случаях употреблялось слово «печать». Тяготение дворянского общества XVIII в. к зарубежной культуре обусловило употребление инициалов и девизов не только на русском, но и на иностранных языках. Владельческие надписи были исключительно на родном языке. Дважды в гербах содержались даты, указывавшие на важнейшие события истории родов (печати № 237, 289). В обоих случаях они сочетались с буквами. Вербальный элемент получил широкое распространение в русской эмблематической культуре XVIII в., он присутствовал более чем в 100 печатях. В официальной геральдике, строго следовавшей формальным требованиям, подобное разнообразие отсутствовало.

Среди надписей наибольший интерес представляют девизы. Они имелись на 32 печатях, принадлежащих 29 родам, из них 20 приводилось на латинском языке. В семи случаях (21,9 % от общего числа) использовались девизы орденов: три раза – ордена Святого Андрея Первозванного (печати П.Д. Еропкина, графа И.А. Остермана, графа Н.И. Панина), четыре раза – ордена Святой Анны (печати князя Н.И. Салтыкова, А.П. Сумарокова, Ф.М. Толстого, И.И. Юшкова). В лейб-компанских гербах сохранялся общий девиз «За верность и ревность», исключением стали только графы Воронцовы, которые употребили иное изречение. Большинство девизов в утвержденных вариантах гербов не вошло⁴⁴. В процентном соотношении Гербовник А.Т. Князева содержал девизов меньше, чем их было среди официальных родовых гербов. Видимо, в XVIII в. значение этого элемента недооценивалось, а для передачи смысла оказывалось достаточно эмблем.

Высокая степень зависимости русской геральдики XVIII в. от европейского опыта проявилась не только в иноязычности надписей, но и в самом составе эмблем, многие из которых заимствовались из геральдических пространств различных стран, чаще всего – из Польши.

Печать Ивана Ивановича Юшкова из Гербовника А.Т. Князева 1785 г.

*Печать
Михаила Семеновича Татаринова из Гербовника А.Т. Князева 1785 г.*

⁴⁴ См. печати князя А.А. Вяземского, князя Г.П. Гагарина, князя А.Б. Куракина, А.П. Сумарокова, М.С. Татаринова, Ф.М. Толстого, князя П.Н. Щербатова, И.И. Юшкова.

Исследователи часто подчеркивали существенное влияние польской традиции на русскую геральдику, особенно – родовую. В комментариях к рукописи С.Н. Тройницкий зафиксировал 76 случаев употребления польских эмблем (20,2 % от общего количества семей)⁴⁵, и не все аналогии были им выявлены⁴⁶. Опыт других стран оказывал влияние гораздо реже. Совпадение печатей, учтенных А.Т. Князевым, с гербами Германии, Швеции и иных государств С.Н. Тройницкий отметил 18 раз (4,8 % от общего количества семей).

Гербовник А.Т. Князева содержит богатейшую информацию не только по геральдике, но и по другим специальным историческим дисциплинам. В частности, его можно расценивать как первый в отечественной историографии сфрагистический труд. Именно с рукописи А.Т. Князева началось изучение печатей как исторического явления. Значение памятника обусловлено существенной диспропорцией в тематике отечественной сфрагистики. В этой дисциплине основное внимание традиционно уделяется средневековой Руси, в собирании и осмыслении наследия которой благодаря трудам академиков Н.П. Лихачева и В.Л. Янина⁴⁷ достигнуты большие успехи. Печати XVIII–XIX вв. изучены недостаточно, их анализ часто ограничивается публикациями об отдельных объектах, обобщающие справочники-альбомы, аналогичные классическому труду В.Л. Янина «Актовые печати Древней Руси X–XV вв.», совершенно отсутствуют. В контексте такой исследовательской ситуации Гербовник А.Т. Князева остается самым обширным и доступным (благодаря публикации) сфрагистическим собранием XVIII в. Известно, что поздние печати русского дворянства представлены преимущественно двумя разновидностями – археографическими (с надписью или инициалами) и гербовыми. Последние как раз и позволяют всесторонне и репрезентативно изучать Гербовник А.Т. Князева.

При использовании рукописи в качестве сфрагистического источника необходимо учитывать, что сам составитель именовал рисунки не печатями, а гербами. Это противоречило характеру изо-

⁴⁵ Не учитывалась печать № 528, в которой также имеется польский герб.

⁴⁶ См., например, печать Римских-Корсаковых.

⁴⁷ Лихачев Н.П. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики. – Л., 1928–1930. – Вып. 1–2; Янин В.Л. Актовые печати Древней Руси X–XV вв. – М., 1970. – Т. 1–2; Янин В.Л., Гайдуков П.Г. Актовые печати Древней Руси X–XV вв. – М., 1998. – Т. 3.

Печать
Федора Вилимовича Боура
из Гербовника А.Т. Князева 1785 г.

Печать
Ивана Андреевича Васькова
из Гербовника А.Т. Князева 1785 г.

бражений, но полностью соответствовало поставленной им задаче. С другой стороны, подобное обстоятельство не может уменьшить информационный потенциал гербовника как сфрагистического источника. Его данные о печатях во многом являются даже более уникальными для сфрагистики, чем для геральдики, поскольку значительная часть зафиксированного визуального ряда нашла отражение в гербах, а большинство матриц печатей XVIII в. не сохранилось.

Однако некоторые памятники все-таки известны. Например, в коллекции В.К. Лукомского⁴⁸ имелось 5 матриц печатей из Гербовника А.Т. Князева: инженер-генерала Ф.В. Бауэра (№ 36; стальная);

Печать
Алексея Григорьевича Жеребцова
из Гербовника А.Т. Князева 1785 г.

⁴⁸ О ней см.: [Значко-Яворская О.Н.] Собрание гербовых печатей В.К. Лукомского // Гербовед. – 1914. – № 3. – С. 42–47; переизд.: Гербовед, 1913–1914 гг. – М., 2003. – С. 273–277; Наумов О.Н. Сфрагистическая коллекция В.К. Лукомского // Одиннадцатая Всероссийская нумизматическая конференция. – СПб., 2003. – С. 311–313.

И.А. Васькова (№ 52; аметистовая); генерал-аншефа А.Г. Жеребцова (№ 155; сердоликовая); светлейшего князя Н.И. Салтыкова (№ 392; из молочного агата); М.А. Спиридова (№ 415; сердоликовая)⁴⁹. В феврале 1942 г. все они погибли при пожаре квартиры ученого в блокадном Ленинграде. Матрицы печатей А.А. Дьякова (№ 140) и П.Д. Еропкина (№ 153), близкие к описанным А.Т. Князевым, находились в начале XX в. в собрании петербургского коллекционера Н.Ф. Романченко⁵⁰. Не исключено, что в отечественных музеях сохранились и иные печати из труда А.Т. Князева.

Существенный интерес представляет гербовник для фалеристики – специальной исторической дисциплины, которая изучает историю наградного дела. Поскольку многие из рисунков гербов содержат изображения знаков отличия, то возникает возможность детально проанализировать бытование фалеронимов в дворянской культуре XVIII в. и практику их использования в родовой геральдике. Подобный аспект гербовника отражает фундаментальное теоретическое положение о тесных связях фалеристики, геральдики и сфрагистики.

Печать графини
Анны Карловны Воронцовой
из Гербовника А.Т. Князева 1785 г.

Крупнейший отечественный исследователь наградного дела профессор В.Г. Бурков справедливо отмечал, что отношения между этими дисциплинами «обусловлены общими принципами построения эмблем и символов, а также наличием взаимосвязанного иконографического ряда»⁵¹.

Знаки отличия являлись для А.Т. Князева одним из способов различения родового и личного символов, возможностью соотнесения конкретного

⁴⁹ РГИА. – Ф. 986. – Д. 78. – Л. 30 об. В настоящее время этот источник опубликован нами, см.: Лукомский В.К. Записка об архиве, коллекциях и библиотеке // Гербоведение. – Т. 1. – М., 2011. – С. 166.

⁵⁰ Лукомский В.К. Собрание гербовых печатей Н.Ф. Романченко // Гербовед. – 1913. – № 7. – С. 120; переизд.: Гербовед, 1913–1914 гг. – С. 130.

⁵¹ Бурков В.Г. Фалеристика. – М., 2000. – С. 22.

герба не только с семьей, но и с индивидуумом. Так, в примечании к печати П.Д. Еропкина (№ 153) А.Т. Князев прямо указывал, что герб «других его однородцев точно таков же, кроме ординских [так в тексте. О.Н.] украшений». По наградным знакам он определил принадлежность печати графа А.Р. Воронцова его отцу, приписал печать графини А.К. Воронцовой ее мужу и т. п. В XX в. комплексный анализ фалеристической и геральдической информации активно использовался в гербовой экспертизе.

Награды встречались в Гербовнике А.Т. Князева довольно часто – в 71 случае (13,3 % от общего числа). Их количество и состав в одном изображении были различны. Цепь ордена Святого Андрея Первозванного употреблялась в 20 печатях⁵², звезда – в 29, один крест – в 30, два креста – в 19, три креста – в 14, четыре креста – в 2. Цепь и звезда почти всегда сочетались с расположенными под гербовым щитом крестами. Изображения знаков отличия часто крайне условны и не поддаются точной идентификации. Лучше всего опознается, благодаря цепи и косому кресту, орден Святого Андрея Первозванного. Орден Святой Екатерины в гербе графини А.К. Воронцовой также легко идентифицируется по специфической форме. Большинство крестов иконографически принадлежит к типу, называемому в формальной геральдике уширенным, передано схематично, и их определение возможно только при привлечении биографических сведений о кавалерах.

Изображения наград создают возможности для датировки матриц, указывая на временной интервал их создания довольно точно, иногда в пределах нескольких лет. Установление периода изготовления матрицы, в свою очередь, дает представление о длительности генезиса гербов и последовательности их модификаций.

Печати с изображениями знаков отличия принадлежали преимущественно военным, занимавшим высокое служебное положение и имевшим чин не ниже генерал-майора. Такой состав награжденных обусловлен редкостью орденов в России XVIII в., доступных только для аристократических слоев дворянства.

Гербовник А.Т. Князева является вполне репрезентативным источником для изучения истории наградного дела России. К концу XVIII в. изображения знаков отличия в гербах выполняли функцию

⁵² Еще в двух случаях цепь идентифицировать не удалось. Крест на цепи ордена Св. Андрея Первозванного как отдельная единица в подсчетах не учитывался.

индивидуализирующего признака и активно применялись для демонстрации общественного престижа. В XIX в. эта традиция только совершенствовалась. В частности, увеличение числа орденов и расширение социальной базы награжденных обусловили рост количества знаков отличия, которое могло находиться в гербах и иногда достигало 18⁵³.

Источниковедческие возможности Гербовника А.Т. Князева получили признание еще в конце XIX – начале XX в., но отдаленность библиотеки Казанского университета, где он хранился, препятствовала полноценному использованию памятника в научных изысканиях. Только публикация, на необходимость которой указывали почти все, кто упоминал о рукописи⁵⁴, могла способствовать реализации ее информационного потенциала. Выполнил эту задачу Сергей Николаевич Тройницкий в 1912 году. Издание Гербовника А.Т. Князева стало отображением общей ситуации в русской исторической науке конца XIX – начала XX в., в которой активно развивалось общее источниковедение, появились новые трактовки понятия «исторический источник», изменились границы источниковедческого исследования, совершенствовалась методика критического анализа. Многие из указанных процессов были связаны с петербургской исторической школой прославившейся филигранными источниковедческими изысканиями и постоянной устремленностью к документу. Выработанные ей приемы и методы работы с текстами использовал С.Н. Тройницкий при подготовке рукописи А.Т. Князева к печати.

Исследователь относился к публикации с большой источниковедческой и археографической тщательностью, учитывал не только потребности исследователей, но и важный для геральдики эстетический аспект. Полиграфически издание выполнено безупречно. Для обложки использовалась лучшая заграничная бумага размером 68 на 50 сантиметров, которой хватило всего на 130 экземпляров. Недостающее количество пришлось специально заказывать, причем бумага закупалась различных цветов. Полиграфические

⁵³ Добровольская М.А. Печати с гербом Суворовых-Рымникских, князей Итальянских, в Эрмитаже // Труды Государственного Эрмитажа. – Т. 26. – Л., 1986. – С. 65–68.

⁵⁴ Барсуков Н.П. Указ. соч.; Савелов Л.М. Лекции... – Ч. 2. – С. 252. Н.П. Лихачев, выступая в 1909 г. с призывом издавать «богатый и интересный материал», касающийся отечественной геральдики, особо выделил Гербовник А.Т. Князева (Известия Русского генеалогического общества. – 1909. – Вып. 3. – С. 367).

изыски задержали выход в свет части тиража⁵⁵ и увеличили цену. Лист бумаги для обложки стоил 15 копеек, а продавалось издание по 10 рублей, что составляло немалую сумму. Гербовник А.Т. Князева оказался одной из самых дорогих геральдических книг начала XX в.⁵⁶, несмотря даже на значительный тираж в 400 экземпляров, и был большим издательским риском, ведь спрогнозировать спрос не представлялось возможным.

Издание печаталось в принадлежавшей С.Н. Тройницкому типографии «Сириус». Она специализировалась на генеалогической, геральдической и искусствоведческой литературе, обладала новейшим оборудованием, опытными кадрами, обеспечивала высочайший уровень технического исполнения и причислялась к лучшим полиграфическим предприятиям России⁵⁷. Ученый прекрасно разбирался во всех тонкостях полиграфии, сам владел мастерством наборщика и печатника.

Сочетание тонкого вкуса публикатора с техническими и финансовыми возможностями обусловило появление одной из самых совершенных в полиграфическом отношении геральдических книг страны. Художественные достоинства издания подчеркивали все рецензенты. С.В. Любимов давал ему следующую характеристику: «Том большого 4°, изданный на прекрасной бумаге, отпечатанный стильным шрифтом, с точно и изящно выполненными снимками рисунков, прекрасными фототипиями заглавного листа, страниц предисловия, алфавита и первого листа рукописи, является ценным художественным трудом...»⁵⁸. Другой рецензент отмечал, что книга «старательно и красиво отпечатана»⁵⁹, а В.К. Лукомский, противопоставляя его «бедным и скучным своим внешним видом официальным изданиям», отмечал, что С.Н. Тройницкий приложил «много забот и вкуса, чтобы вознаградить более чем столетнее

⁵⁵ ОР РГБ. – Ф. 783. – К. 6. – Д. 67. – Л. 1. О ситуации с обложкой С.Н. Тройницкий сообщал У.Г. Иваску 21 марта 1912 г., отмечая, что новая партия бумаги не получена, хотя может поступить «каждый день». Основной тираж книги вышел в феврале того года.

⁵⁶ Наумов О.Н. Цены на книги по геральдике в России конца XIX – начала XX в. // Книжный рынок России: история, теория, практика. – Вып. 1 (9). – М., 2002. – С. 194–199 (статья публикуется в настоящем сборнике, см. с. 216).

⁵⁷ Белецкий П.А. Георгий Иванович Нарбут. – Л., 1985. – С. 46, 65, 83.

⁵⁸ [Любимов С.В.] [Рецензия] // Исторический вестник. – 1912. – № 12. – С. 1252.

⁵⁹ Русская старина. – 1913. – № 1. – 2 л. обл.

ожидание иметь Гербовник Князева в печати»⁶⁰. Всегда строгий в критике Л.М. Савелов называл публикацию «прекрасной»⁶¹.

Издание гербовника задало высокую планку художественного и полиграфического исполнения русской геральдической литературы, предопределило особые эстетические требования к подобным книгам. Они должны были соответствовать лучшим традициям национального книжного искусства, иметь изящное и тонко продуманное оформление.

Выход в свет труда А.Т. Князева стал знаковым событием в научной жизни начала XX в. Впервые источник подвергался археографической обработке с учетом потребностей геральдической науки. До того момента преобладали публикации, подготовленные официальным органом герботворчества – Департаментом Герольдии Правительствующего Сената, которые ориентировались на бюрократические потребности в справочниках и были далеки от запросов исследователей.

В теоретическом отношении издание гербовника опиралось на позитивистское понимание и находилось в контексте стремления к полному, истинному, всеобъемлющему знанию, к точности исторического факта как высшей ценности представлений о прошлом. С другой стороны, Гербовник А.Т. Князева оказался первым в русской историографии примером применения к конкретному геральдическому материалу методов зарождавшегося структурализма. Нам уже приходилось подчеркивать, что герб (в большей степени, конечно, его описание) представляет собой удобный объект для структуралистского анализа⁶². В комментариях С.Н. Тройницкого соответствующий подход использовался постоянно, описания гербов разделялись на элементы: щит, нашлемник, щитодержатели, девиз. В дальнейшем идея структурализма проявлялась в геральдических справочниках неоднократно⁶³.

Влияние публикации труда А.Т. Князева на русское гербоведение было многообразным: эвристическим, археографическим, историковедческим, конкретно-информационным.

⁶⁰ Лукомский В.К. [Рецензия]. – С. 44.

⁶¹ Савелов Л.М. [Рецензия]. – С. 62.

⁶² Наумов О.Н. Геральдическая историография России. – С. 43–44; Он же. Отечественная историография геральдики. – Ч. I. – С. 87.

⁶³ См., например: Лукомский В.К., Модзалевский В.Л. Малороссийский гербовник. – СПб., 1914.

Благодаря гербовнику значительно усовершенствовалась справочная система, резко расширилось пространство доступной информации, связанной с формированием национального геральдического опыта. Появилась возможность получить достоверные сведения о самобытных вариантах дворянских гербов XVIII в.

Основополагающее значение имела публикация для формирования геральдической археографии. К 1912 г. научное издание источников, касавшихся гербов, только начиналось. Фонд публикаций исчерпывался небольшим приложением к лекциям Ю.В. Арсеньева и третьей частью «Гербовника дворянских родов Царства Польского»⁶⁴. Эти случайные тексты не могли оказать серьезного влияния на археографическую ситуацию, в первом случае – из-за незначительного объема документа, во втором – из-за мизерного тиража в 10 экземпляров. Гербовник А.Т. Князева стал первым масштабным источником, доступным специалистам и любителям геральдики.

Метод археографической обработки текста был новаторским. С.Н. Тройницкий учел специфические моменты, необходимые для геральдических изысканий. В публикациях гербовых источников очень важно определить степень соотношения визуального (рисунки) и вербального (тексты) элементов, добиться адекватной передачи всей полноты информации. В случае с рукописью А.Т. Князевым ситуация осложнялась тем, что основную ценность имел именно визуальный ряд в то время, как текст был минимален. С.Н. Тройницкий совершил прорыв в гербоведении, решившись на кардинальное изменение внутреннего пространства источника, хотя археографическая традиция начала XX в. требовала точной передачи структуры текста, вплоть до расположения подписей и заголовков. Приведа для примера несколько листов из подлинника, ученый отказался от трансляции его формы. Он разделил каждую страницу издания вертикально на две части, в одной воспроизводились рисунки и текст самого памятника (с указанием пагинации), в другой – подробные комментарии. Была также изменена очередность гербов, которые располагались по современному для начала XX в. написанию фамилий.

⁶⁴ *Арсеньев Ю.В.* Указ. соч. – М., 1908. – С. 297–298; переизд.: Ковров, 1997. – С. 334–335; *Лукомский В.К., Тройницкий С.Н.* Гербы третьей части «Гербовника дворянских родов Царства Польского». – СПб., 1910.

Подробные геральдические и сфрагистические пояснения С.Н. Тройницкого сами по себе являлись методическим новшеством. Они состояли из двух частей: биографических сведений о владельце печати и сравнительного анализа изображений рукописи А.Т. Князева с вариантами из «Общего гербовника дворянских родов Всероссийской империи» или других источников. Некоторые из комментариев представляли собой небольшие исследования (например, текст к печатям Татищевых).

С.Н. Тройницкий привлек широкий круг письменных и вещественных источников: родословную князей Голицыных, диплом А.Г. Разумовского на графское достоинство Священной Римской империи (1744 г.), документы Скуратовых, а также печати, надгробия, предметы декоративно-прикладного искусства, перстни, переплеты книг. Они заимствовались из собраний Гербового отделения Департамента Герольдии, с экспозиций выставок, из коллекции самого С.Н. Тройницкого, из архивных и опубликованных материалов, предоставлялись членами упомянутых в книге родов. В пояснениях к печати Нелединских делалась ссылка на «халдейский барельеф», хранящийся в Лувре. Многообразная источниковедческая основа публикации продемонстрировала возможные группы объектов геральдического исследования, приемы и методы работы с ними, был убедительно доказан комплексный характер гербоведческих изысканий, требующих привлечения источников самых различных типов и видов.

В комментариях утверждалось генеалого-геральдическое единство познавательного процесса применительно к родовым гербам. В методическом смысле массово проведенный сравнительно-иконографический анализ утверждал этот прием как один из основных способов извлечения геральдической информации. Обстоятельность и подробность комментариев отмечались как несомненное достоинство публикации во всех рецензиях. Однако значение текста С.Н. Тройницкого гораздо более глубоко, чем просто введение дополнительных сведений в пространство публикуемого источника и даже чем становление методики археографического освоения геральдического памятника. В синтезе с изменением структуры источника обширный комментарий утверждал возможность и даже необходимость активного отношения к исходной информационно-данности, если оно подчинено цели совершенствования научного познания.

Для начала XX в. публикация Гербовника А.Т. Князева была лучшей по уровню археографической подготовки и научного осмысления. С.Н. Тройницкий предложил качественно новую модель публикации геральдического памятника, основанную на создании особого археографическо-исследовательского пространства, в котором публикатор-ученый выступает как самостоятельное начало, переорганизуя структурно и информационно начальный текст.

Выход в свет Гербовника А.Т. Князева привлек большое внимание и стал поводом для шести рецензий в ведущих исторических журналах России⁶⁵. Ни одно геральдическое издание не вызывало столь активной и доброжелательной реакции. Рецензентами выступили исследователи различных специальностей: библиограф и книговед У.Г. Иваск, геральдист В.К. Лукомский, генеалоги Л.М. Савелов и С.В. Любимов, краевед П.Н. Столпянский. Во всех отзывах единодушно отмечалось крупное значение гербовника для развития исторической науки, изданию давались лестные характеристики, приводилось его подробное описание, отмечалась ценность научно-справочного аппарата. Общее отношение можно выразить словами рецензента из «Русской старины», называвшего источник «чрезвычайно важным памятником русской геральдики»⁶⁶. Известный генеалог Н.П. Чулков считал публикацию Гербовника А.Т. Князева самым ценным изданием по геральдике за 1905–1915 гг.⁶⁷

Критических замечаний оказалось немного. У.Г. Иваск, например, отметил, что печати Т.В. Бакеева (№ 15) и А.С. Ергольского (№ 152) больше схожи между собой, чем с польским гербом Наленч, который отличается от них и фигурой, и нашлемником. Он указал также на идентичность печатей фон Липгард и Масловых, Буниных и польского герба Боньча. Анонимный рецензент из «Русской старины» исправил ошибку в предисловии С.Н. Тройницкого, подчеркнув, что гербовник не мог находиться в Новороссийске, поскольку в XVIII в. города еще не существовало⁶⁸.

⁶⁵ Иваск У.Г. О «Гербовнике» Князева // Русский архив. – 1912. – № 5. – 3 л. обл.; Лукомский В.К. [Рецензия]; [Любимов С.В.] Указ. соч. – С. 1251–1253; Русская старина. – 1913. – № 1. – 2 л. обл.; Савелов Л.М. Указ. соч. – С. 62; Столпянский П.Н. [Рецензия] // Новое время. – 1912. – 25 марта.

⁶⁶ Русская старина. – 1913. – № 1. – 2 л. обл.

⁶⁷ Н.П. Чулков о русской генеалогии // Российский архив. – Т. 9. – М., 1999. – С. 568.

⁶⁸ Русская старина. – 1913. – № 1. – 2 л. обл.

Публикация рукописи А.Т. Князева стала мощным стимулом для изучения истории конкретных гербов, оказала заметное влияние на тематику и содержание исследований по родовой геральдике. Информация источника сразу же была востребована и нашла широкое применение. Об этом красноречиво свидетельствует содержание журнала «Гербовед», который издавался С.Н. Тройницким в 1913–1914 гг. и специализировался на изучении дворянских символов. По нашим подсчетам, в его номерах упомянуто 35 печатей из труда А.Т. Князева (в 1913 г. – 28, в 1914 г. – 7)⁶⁹. Они позволили уточнить датировки и проследить эволюцию нескольких гербов⁷⁰. Некоторые статьи и публикации восходили к комментариям С.Н. Тройницкого. В примечаниях к печати К.Г. Разумовского, например, приводился отрывок из жалованной грамоты его брата, А.Г. Разумовского на графский титул, а полностью она была опубликована в «Гербовед»⁷¹. С научно-справочным аппаратом гербовника связаны работы о гербах Зубовых и князей Прозоровских⁷².

Для начала XX в. издание рукописи А.Т. Князева наряду с научным имело важный практический аспект. Изображения из него можно было использовать для составления гербов тем родам, которые «забыли» о своих эмблемах XVIII в. С.В. Любимов привел в качестве примера Аничковых, чья печать из гербовника⁷³ могла послужить основой для официального герба.

Публикация труда А.Т. Князева создала новую информационную ситуацию в русской геральдике, способствовала ее структурированию и выделению самостоятельных источниковедческого и археографического разделов, придало актуальность методическим проблемам геральдического знания. В целом, она являлась одним из высших достижений научной мысли в области гербоведения.

⁶⁹ Гербовед. – 1913. – № 1–12; 1914. – № 1–12; переизд.: Гербовед, 1913–1914 гг. – М., 2003.

⁷⁰ [Тройницкий С.Н.] Герб Кожиных // Гербовед. – 1913. – № 5. – С. 89–90; переизд.: Гербовед, 1913–1914 гг. – С. 101; [Он же]. Герб Чичериных // Гербовед. – 1913. – № 6. – С. 107; переизд.: Гербовед, 1913–1914 гг. – С. 117 и др.

⁷¹ Тройницкий С.Н. Гербы графов Разумовских // Гербовед. – 1913. – № 9. – С. 143–146; переизд.: Гербовед, 1913–1914 гг. – С. 154–159.

⁷² Тройницкий С.Н. О гербе князей Прозоровских // Гербовед. – 1913. – № 2. – С. 41; переизд.: Гербовед, 1913–1914 гг. – С. 52; Он же. Гербы Зубовых // Гербовед. – 1914. – № 2. – С. 21; переизд.: Гербовед, 1913–1914 гг. – С. 252.

⁷³ [Любимов С.В.] [Рецензия] // Исторический вестник. – 1912. – № 12. – С. 1252.

Благодаря высокопрофессиональной обработке уникальный памятник приобрел место в системе источников, достойное его статуса историко-культурного феномена.

Такая ситуация определялась масштабом личности публикатора. Сергей Николаевич Тройницкий принадлежал к числу виднейших геральдистов и искусствоведов начала XX века, являлся одним из основателей гербоведения в России⁷⁴. Он родился в Вятке, в древней дворянской семье малороссийского происхождения 19 августа 1882 г., по матери доводился правнуком декабристу И.Д. Якушкину. Профессионального исторического образования геральдист не получил, а окончил в 1904 г. привилегированное Училище правоведения. Однако вся его жизнь была посвящена исторической науке и истории искусства. После кратковременной службы в соответствии с образованием – в Министерстве юстиции и Государственной канцелярии, в 1908 г. С.Н. Тройницкий поступил в Эрмитаж, в Отделение Средних веков и эпохи Возрождения, затем стал хранителем Отделения драгоценностей. На первых порах ему пришлось заниматься описанием коллекций, в том числе предметов Фарфорового и серебряного музея, переданных из Зимнего дворца. Эта работа отразилась на научных интересах и в многочисленных публикациях⁷⁵. С.Н. Тройницкий являлся ведущим специалистом в области декоративно-прикладного искусства России, особенно фарфора, заметной фигурой в художественной жизни Петербурга. Он создал в Эрмитаже Галерею фарфора⁷⁶, был одним из основателей и членом редакционного совета известного историко-художественного журнала «Старые годы», устраивал яркие художественные выставки и т. д. Ученый интересовался также генеалогией, с 1910 г. состоял в

⁷⁴ О нем см.: *Максименко Л.В.* С.Н. Тройницкий // *Клио*. – 1999. – № 1. – С. 302–308; *Казакевич Н.И.* Сергей Николаевич Тройницкий // *Наше наследие*. – 2001. – № 57. – С. 26–31; *Вилинбахов Г.В.* Сергей Николаевич Тройницкий // *Геральдика*. – СПб., 2002. – С. 176–186; *Наумов О.Н.* Отечественная историография геральдики. – Ч. I. – С. 147, 158–162, 176–177, 189–191.

⁷⁵ *Тройницкий С.Н.* Фарфоровые табакерки Императорского Эрмитажа // *Старые годы*. – 1913. – № 12; *Он же.* Фарфор и быт. – Л., 1924; *Он же.* Государственный Эрмитаж. Русские фарфоровые фигуры. – Л., 1925; *Он же.* Фарфор. Общий очерк. – Л., 1927; *Он же.* Государственный Эрмитаж. Русский фарфор. – Л., 1928; *Он же.* Государственный Эрмитаж. Европейский фарфор. – Л., 1928.

⁷⁶ См.: *Казакевич Н.И.* Западноевропейский фарфор в Эрмитаже. История собрания. – 2-е изд., перераб. и доп. – СПб., 2005. – С. 10–27.

Русском генеалогическом обществе, в 1919–1922 г. исполнял обязанности товарища председателя Русского историко-генеалогического общества, издал две брошюры об истории своей семьи⁷⁷.

Карьера С.Н. Тройницкого в Эрмитаже складывалась очень успешно. В 1918 г. ученого избрали директором музея, одновременно он возглавил его историко-художественный отдел, а с 1921 г. являлся еще товарищем председателя Государственной академии истории материальной культуры, активно участвовал в музейной жизни. В конце 1920-х годов начались трудности. В 1927 г. Наркомат просвещения освободил С.Н. Тройницкого от должности директора Эрмитажа, вскоре его уволили и из Государственной академии истории материальной культуры.

С конца 1920-х годов в качестве консультанта и эксперта С.Н. Тройницкому пришлось участвовать в работе печально известной конторы «Антиквариат», занимавшейся распродажей музейных коллекций. Ученый неоднократно выступал против бездумного экспорта произведений искусства. «Мы не продаем, а просто все отдаем за бесценок и без всяких гарантий», – писал он в январе 1929 г. директору Библиотеки имени В.И. Ленина В.И. Невскому⁷⁸. В 1931 г. дворянское происхождение стало причиной окончательного увольнения С.Н. Тройницкого из Эрмитажа.

В ходе кампании по выселению из Ленинграда «социально опасного элемента» искусствоведа арестовали. Это произошло 28 февраля 1935 г., на следующий день, 1 марта, после единственного допроса, его дело было завершено⁷⁹. Следователя интересовали только знакомства С.Н. Тройницкого, которые интерпретировались исключительно как доказательства преступления. Обвинительное заключение, абсурдное и в юридическом отношении, и с позиций здравого смысла, гласило, что С.Н. Тройницкий «до 1928 г. имел непосредственную связь с эмигрантами, бывшими коллекционерами Ленинграда, Бенуа А.Н., сыном художника, княжной-москвичкой Безобразовой⁸⁰, эмигрировавшей со своим мужем-офицером, кня-

⁷⁷ *Тройницкий С.Н.* Краткая родословная дворян Тройницких. – СПб., 1911; *Он же.* Хроника рода Тройницких, 1912–1914. – Пг., 1915.

⁷⁸ ОР РГБ. – Ф. 384. – К. 16. – Д. 15. – Л. 1.

⁷⁹ Дело опубликовано и полностью (*Казакевич Н.Н.* Указ. соч. – С. 355–362), и с небольшими сокращениями (*Наше наследие.* – 2001. – № 57. – С. 29–31).

⁸⁰ Княжеского рода Безобразовых не существовало. Следователь либо приписал титул кому-либо из дворян Безобразовых, либо имел в виду графиню Чернышеву-

зем Аргутинским-Долгоруким, проживающим в Париже, и рядом других эмигрантов, сослуживцев по Эрмитажу. Под видом научных командировок был за границей в 1923–25 гг. и 28 г. в Берлине, Париже и Лондоне, используя командировки Наркомпроса. Тройницкий контрреволюционно настроен»⁸¹. На основании этого Особое совещание при народном комиссаре внутренних дел СССР 4 марта 1935 г. постановило сослать С.Н. Тройницкого на три года в Уфу. Ходатайство Всесоюзного объединения «Антиквариат» с просьбой оставить его в городе как ценнейшего специалиста осталось без последствий.

После ссылки С.Н. Тройницкий обосновался в Москве, жил крайне тяжело, снимал квартиру, скитался по знакомым. «В Москве он был чужим человеком. Ни его эрудиция, ни практические знания не были никому нужны», – вспоминала московская художница Т.А. Лебедева⁸². В 1939 г. ученый с трудом устроился в Музей керамики в Кусково, согласившись на «грошовый оклад» «за жительство». Одновременно в 1941 г. он исполнял обязанности старшего художника в Институте художественной промышленности и с 1941 по 1945 г. преподавал историю искусства в Театрально-художественном техническом училище.

Т.А. Лебедева писала о кусковском периоде жизни геральдиста: «На фоне этих лип, прудика, дворца все мы были таким же чужеродным, как картофельная ботва и капустные кочаны на клумбах парка. Один Тройницкий, в поношенном твидовом пиджаке, с аккуратно подстриженной бородкой à la Henri IV и неизменной трубочкой, был не гостем, а хозяином этих мест, по праву рождения и воспитания. Там, где мы казались неумелыми актерами, он был своим. В нем было то, что нельзя приобрести, что дается от рождения поколениями – порода, и во всем лучшем смысле этого слова»⁸³.

Безобразову. Кроме того, вызывает недоумение наличие у «княжны» (т. е. не состоящей в браке особы) мужа.

⁸¹ Цит. по: Казакевич Н.Н. Указ. соч. – С. 360.

⁸² Воспоминания Т.А. Лебедевой о С.Н. Тройницком публиковались неоднократно: Лебедева Т.А. Последние годы жизни С.Н. Тройницкого // Наше наследие. – 2001. – № 57. – С. 31–32; Она же. Воспоминания о последних годах жизни С.Н. Тройницкого // Казакевич Н.Н. Указ. соч. – С. 349–354. Сноски здесь и далее даются по последнему изданию: Лебедева Т.А. Воспоминания... – С. 351.

⁸³ Там же. – С. 350.

Знания полуопального искусствоведа неожиданно потребовались после войны – оказалось необходимым разобрать вывезенные из Германии коллекции, проконсультировать крупных военачальников об их «трофеях». В 1945 г. С.Н. Тройницкого приняли в Государственный музей изобразительных искусств имени А.С. Пушкина, сначала – главным хранителем, с ноября – заведующим отделом декоративно-прикладного искусства.

Умер геральдист в 1948 г. в санатории туберкулезной больницы «Высокие горы» под Москвой. Уже упоминавшаяся Т.А. Лебедева вспоминала: «Он был уже ко всему равнодушен и безразличен. Последние дни молча плакал, и это было очень страшно. Забыть этого нельзя. В больницу его внесли уже на носилках. [...] Он неохотно разговаривал, а последние дни только иногда по глазам было заметно, что узнавал; большей частью лежал на спине. Видимо, так было легче дышать, и беззвучно плакал [...]. Потом были похороны, какие-то поспешные, казенные, хотя народу было много, даже из Ленинграда»⁸⁴.

В 1989 г. С.Н. Тройницкого реабилитировали.

Геральдические работы составляют важнейшую часть творческого наследия ученого. Их всего около 30, но в русском гербоведении они оставили заметный след. Большинство исследований появились в период фундаментальных модернизаций дисциплинарного знания в первой половине 1910-х гг.

Известность С.Н. Тройницкого как геральдиста началась с серии справочных изданий (указателей и списков)⁸⁵, создававших систему поиска и атрибуции гербов. Одновременно ученый принял участие в публикации третьего тома «Гербовника дворянских родов Царства Польского»⁸⁶, хранившегося в архиве Департамента Герольдии Правительствующего Сената. Накопленный опыт отразился на методах археографической обработки рукописи А.Т. Князева.

Издание этого памятника занимает особое место в творчестве С.Н. Тройницкого. Оно стало первым крупным проектом исследо-

⁸⁴ Там же. – С. 351.

⁸⁵ *Тройницкий С.Н.* Гербовые девизы русского, польского, финляндского и прибалтийского дворянства. – СПб., 1910; *Лукомский В.К., Тройницкий С.Н.* Указатели к Высочайше утвержденным «Общему гербовнику дворянских родов Всероссийской империи» (Ч. I–XVIII) и «Гербовнику дворянских родов Царства Польского» (Ч. I–II). – СПб., 1910 и др.

⁸⁶ *Лукомский В.К., Тройницкий С.Н.* Гербы третьей части...

вателя в области геральдики, одним из самых успешных его начинаний, принесло широкую известность. Публикация уникальной рукописи усилила внимание С.Н. Тройницкого к геральдическим проблемам и определила его приоритетный интерес к источниковедческим и археографическим аспектам дисциплины, а в тематическом отношении – к родовым гербам. Вместе с В.К. Лукомским и Д.Н. Егоровым ученый явился основоположником концепции герба как исторического источника.

Издание труда А.Т. Князева положило начало серии блестящих в научном и художественном отношении публикаций 1910-х гг., уровень подготовки которых соответствует даже современным представлениям об археографическом освоении геральдических источников. Значительная часть этих текстов подготовлена к печати С.Н. Тройницким, вошедшим во вкус публикационной работы.

Прежде всего, следует отметить сборник лейб-компанских гербов, изданный в 1914 г.⁸⁷ Археографически между ним и Гербовником А.Т. Князева много общего. Публикация лейб-компанских гербов должна была представлять собой собрание жалованных грамот на дворянское достоинство и гербы 220 человек. Документы оказались чрезвычайно однотипными и содержали информацию, не имевшую интереса для геральдики. Тогда С.Н. Тройницкий избрал регистровую (сокращенную) форму публикации, обнародовав не полные тексты, а только их геральдические фрагменты. Как и в Гербовнике А.Т. Князева, в сборнике лейб-компанских гербов помещен обширный научно-справочный аппарат: комментарии, в которых каждое изображение сопровождалось ссылками на гербы однофамильных родов, именной указатель, список лейб-компанцев (владельцев гербов) с биографическими сведениями, публикация комплекса источников, раскрывавших процесс создания символов и историю лейб-компаний⁸⁸. С.Н. Тройницкий вновь сформировал особое генеалого-геральдическое пространство, что позволяет расценивать методику подготовки Гербовника А.Т. Князева как выражение определенной археографической позиции.

⁸⁷ Тройницкий С.Н. Гербы лейб-компаний: обер и унтер-офицеров и рядовых. – Пг., [1914].

⁸⁸ Тройницкий С.Н. Указ. соч. – С. 447–567. Тексты источников прилагались и к другим публикациям С.Н. Тройницкого, см.: [Тройницкий С.Н.]. Гербы командира и офицеров брига «Меркурия». – Пг., 1915. – С. 19–29.

Другим замечательным проектом ученого явилось издание журнала «Гербовед», ставшего основным центром изучения геральдики в 1913–1914 гг.⁸⁹. Важнейшей его функцией оказалась археографическая, в нем опубликовано более 130 архивных документов XVIII – начала XIX в.

Работы С.Н. Тройницкого ознаменовали кратковременный расцвет русской геральдики в 1910-е гг., ее мимолетный «золотой век», прерванный эпохой советского догматизма, отрицавшего само право дисциплины на существование. Только на рубеже XX–XXI в. в России произошло возрождение интереса к гербам, которое потребовало переосмысления научного опыта 1910-х гг. в условиях нового понимания теоретико-методических принципов и познавательного потенциала геральдического знания. В современном гербоведении труд А.Т. Князева не только сохранил значение первостепенного источника информации, но и приобрел особую актуальность как наиболее яркое воплощение национальной эмблематической традиции, как редчайшая возможность осознать ее своеобразие в контексте европейского символического пространства.

Опубликовано в книге: Гербовник Анисима Титовича Князева 1785 года: издание С.Н. Тройницкого 1912 г. – М., 2008. – С. 221–234. В настоящем издании исключен раздел, касающийся методики подготовки текста гербовника к печати. Публикуется с дополнительными иллюстрациями.

⁸⁹ Подробнее о роли журнала в развитии гербоведения см.: Наумов О.Н. Журнал «Гербовед» и русская геральдическая наука // Гербовед, 1913–1914 гг. – С. 3–15 (статья публикуется в настоящем сборнике).